

Второй зал просмотра «Магической битвы»

Во втором зале просмотра царила мертвая тишина, которую нарушали лишь тихие перешептывания. Фусигуро Тодзи, до этого момента сохранявший ледяное, абсолютное безразличие к происходящему — он даже на огромный экран косился лишь изредка, лениво и нехотя, — вдруг резко изменился в лице. Он рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в хрупкую женщину, внезапно материализовавшуюся в соседнем кресле. Это была его жена, Эри.

Он давно был мертв. Тодзи не знал, что ждет человека за гранью, ведь никаких посмертных воспоминаний у него не сохранилось — его просто выдернуло из небытия и перенесло в этот странный, парящий вне пространства кинозал. Последнее, что запечатлелось в его памяти, — сокрушительный удар Шести Глаз и собственные предсмертные слова, которыми он вверял сына Мэгуми заботам своего убийцы.

Оказавшись здесь, Тодзи услышал, как окружающие называют растрепанного, похожего на морского ежа подростка «Фусигуро». Сходство было разительным, и он сразу все понял: перед ним его сын. Оказывается, за время его отсутствия мальчишка успел так сильно вырасти.

Сама идея совместного просмотра Тодзи совершенно не трогала. Ему было плевать на параллельные миры и на то, что на экране крутят жизнь его здешнего двойника. Ровно до тех пор, пока на гигантском полотне не показали, как альтернативная версия его самого ради спасения Эри ползет умолять о помощи Годжо Хара. В то же мгновение рядом с ним появилось еще одно зрительское кресло, а на нем возник полупрозрачный силуэт той, которую он любил больше жизни.

Тодзи, так и не встретивший жену после смерти, теперь дрожал от нахлынувших чувств. Он рванулся вперед и крепко, до боли стиснул Фусигуро Эри в объятиях.

Воспоминания Эри обрывались на больничной койке, где она медленно угасала от тяжелой болезни. Увидев мужа, она сначала просияла от счастья, но следом пришло недоумение — обстановка вокруг казалась слишком фантастической.

Впрочем, в ее разуме тут же вспыхнуло готовое знание, объясняющее правила этого загадочного места.

Она перевела взгляд на Тодзи, чья фигура тоже слегка светилась призрачной полупрозрачностью. Глаза Эри мгновенно наполнились слезами.

— Тодзи... Как же так?.. Неужели ты тоже?..

Грозный Небесный тиран мгновенно растерял всю свою спесь. Он судорожно, неловко принялся стирать слезы с ее лица, запинаясь и оправдываясь:

— Прости меня, Эри, я...

У него просто язык не поворачивался признаться, что он нанялся убить четырнадцатилетнюю девчонку и бесславно погиб, пав от рук Годжо Сатору.

Эри была слишком доброй. Если она узнает, что после ее смерти он бросил ребенка на произвол судьбы и вернулся к ремеслу наемного убийцы...

Тодзи мысленно похолодел. В панике он огляделся и, заметив неподалеку Мэгуми, который краем глаза с любопытством наблюдал за ними, бесцеремонно сцапал сына за шиворот и притянул поближе.

— Смотри, Эри! Это Мэгуми. Наш мальчик уже совсем вырос. Видишь, как прическа на твою похожа?

При этом Тодзи недовольно покосился на подростка. Надо же было так неудачно уродиться! Из маминых черт унаследовал только эти торчащие во все стороны вихры, а лицом — вылитый отец.

Мэгуми лишь безмолвно застыл, окончательно опешив от такого беспардонного обращения.

Эри, глядя на повзрослевшего сына, расчувствовалась. В ее теплом, сияющем взгляде сквозила нежность вперемешку со щемящей грустью.

— Мэгуми... Ты так вырос. И правда, вылитый Тодзи. Прости меня, глупую маму, что я не смогла быть рядом и увидеть, как ты растешь...

Встретившись с этим ласковым, полным безграничной материнской любви взглядом, Мэгуми почувствовал, как к горлу подступил тяжелый, горький ком. Он замер, не зная, куда девать руки и как вообще реагировать на появление матери, которую почти не помнил.

В этот трогательный момент ворвался Годжо-сенсей. Он так и сиял от восторга, явно предвкушая грандиозную семейную драму:

— О, вы ведь мама нашего ненаглядного Мэгуми? Очень приятно! А я его приемный отец. Да-да, вырастил этого колючего мальчика своими собственными руками! Ведь его родной папаша — редкостная дрянь, которая умудрилась продать собственного ребенка за миллиард иен!

Улыбка Эри дрогнула и медленно угасла. Она повернулась к Тодзи. Тот в этот момент мысленно проклинал Годжо всеми известными словами, судорожно соображая, как выкрутиться из смертельной ловушки под названием «жена узнала всю правду».

— Тодзи? — нежно, с обманчивой мягкостью протянула она.

Небесный тиран среагировал мгновенно и без малейших колебаний. Он сполз с кресла прямо на колени, низко склонив голову:

— Дорогая, виноват, каюсь! Но пойми, я тогда уже стоял одной ногой в могиле. У меня просто не оставалось выбора, кроме как пристроить парня хоть куда-то! А миллиард я затребовал исключительно ради его же блага. Сам подумай: то, что достается даром, люди не ценят. А за такие деньжищи они пылинки с него сдувать будут!

Годжо-сенсей коварно прищурился из-под повязки:

— Ой, как трогательно! Только погоди, «дорогая»? Ты к какой именно супруге обращаешься? К этой или к той, второй, на которой ты женился ради фамилии Фусигуро?

Эри смерила мужа долгим, выразительным взглядом.

Тодзи уже взмок от холодного пота. Запинаясь и отчаянно жестикулируя, он затараторил:

— Эри, клянусь, все совсем не так! Послушай меня! Когда тебя не стало... я понятия не имел, как в одиночку растить младенца. И тут мне подвернулась женщина с фамилией Фусигуро. Я просто хотел, чтобы мы с Мэгуми тоже носили твою девичью фамилию! Это была чистая сделка: я даю ей кучу денег, она берет на себя заботу о детях, а взамен мы оформляем брак, чтобы я мог официально войти в ее семью и сменить имя. Ну сама посуди, не оставлять же мальчику эту поганую, проклятую фамилию Дзэннин? Если бы я еще при нашей жизни знал, что можно просто взять твою фамилию, я бы сделал это в первый же день!

Мэгуми ошарашенно уставился на коленопреклоненного отца. Так вот, оказывается, ради чего этот циничный эгоист сошелся с матерью Цумики?

Семейный скандал во втором зале привлек внимание доброй половины присутствующих.

Особенно веселились зрители из первого зала — те, кто близко знал и Тодзи, и Мэгуми, затаив дыхание наблюдали за разворачивающимся спектаклем.

Годжо Сатору из первого зала, обожавший подливать масла в огонь, тут же повернулся к здешней, живой Эри:

— Ну что я говорил, госпожа Фусигуро? Ваш благоверный — обыкновенный бабник и проходимец. Стоило вам в том мире уйти на покой, как он тут же побежал искать замену, да еще и пристроился альфонсом ради звучной фамилии...

Тодзи из первого зала с тихим рыком выхватил Аmano Сакахоко, готовый на месте выпустить Сатору кишки.

Если во втором зале Годжо-сенсей своими издевками довел тамошнего Тодзи до холодного пота, то здешний Сатору ничуть ему не уступал, изводя своего наемника с особым садистским удовольствием.

Однако стоило Эри из первого зала мимоходом скользнуть по мужу строгим взглядом, как Небесный Тиран моментально спрятал кинжал и пайнкой уселся на место. Он чинно сложил руки на коленях и уставился прямо перед собой, стараясь казаться образцом благоразумия.

— Эри, солнце мое, я с этим жалким недоразумением из параллельного мира не имею ничего общего. Тот парень — просто никчемный слабак, который не сумел уберечь ни тебя, ни сына, да еще и умудрился глупо подохнуть. Не надо переносить его грехи на меня, это чертовски несправедливо.

Тодзи из первого зала говорил отнюдь не шепотом, так что его презрительную тираду отлично слышали соседи из второго сектора.

Стоящий на коленях Тодзи из второго зала потемнел лицом и до хруста сжал кулаки. Не желай он побережь чувства Эри, он бы прямо сейчас перемахнул через разделительный барьер и наглядно показал этому хвостуну из первого зала, кто тут слабак.

Он и так без зубного скрежета не мог смотреть на своего альтернативного двойника — холеного, счастливого, у которого и жена жива, и сын под боком. А этот мерзавец еще и смел глумиться над его трагедией!

Эри из второго зала тоже расслышала издевательские слова из соседнего сектора. Сердце ее болезненно сжалось от жалости к мужу. Она бережно взяла Тодзи за локоть, заставляя подняться с колен:

— Вставай, глупый. Мы ведь пришли сюда смотреть на экран? Давай просто сядем вместе и досмотрим до конца.

Эри не могла не заметить сквозящую между мужем и сыном ледяную отчужденность. Сложив в уме слова Годжо-сенсея о том, что он вырастил Мэгуми, и тот факт, что Тодзи тоже мертв, она легко догадалась: муж пережил ее ненадолго и погиб, когда их мальчик был еще совсем крохой.

Она мягко опустилась на сиденье ровно посередине — между Тодзи и Мэгуми, решив взять на себя роль связующего мостика. Эри принялась осторожно расспрашивать сына о его детстве, юности, друзьях, то и дело извиняясь за то, что оставила его так рано.

Мэгуми изо всех сил пытался сохранить привычную маску невозмутимого молчуна, но перед искренней, нежной заботой матери его броня дала трещину. Он не мог просто отмахнуться от нее. Уткнувшись взглядом в пол, подросток тихо, односложно отвечал на вопросы, стараясь максимально приукрасить свои не самые простые детские годы.

Но разве можно было обмануть любящую мать? Эри слишком хорошо знала этот защитный панцирь — Мэгуми точь-в-точь копировал повадки своего отца в те времена, когда тот еще опускался на самое дно жизни.

Она лишь печально улыбнулась, не став выводить сына на чистую воду.

А на огромном экране тем временем продолжали сменяться кадры.

На экране развернулась сцена жестокого противостояния.

Годжо Хара и Тодзи Дзэннин сошлись в глухом, безлюдном месте, устроив настоящую проверку на прочность. Это был чистый рукопашный бой — молниеносный, яростный, лишенный проклятой энергии, где противники стояли друг друга. Они двигались на пределе человеческих возможностей, прямо на ходу перенимая уловки оппонента и мгновенно латая бреши в собственной технике.

Когда пыль улеглась, Хара, искренне впечатленный сокрушительной мощью Небесного проклятия соперника, согласился помочь его умирающей жене.

Камера перенеслась в больничную палату. Едва бросив взгляд на бледную, угасающую Эри Дзэннин, Годжо Хара вынес ледяной вердикт:

— Это не болезнь. На нее наложили проклятие.

Едва услышав с экрана слова Годжо Хары о проклятии, Тодзи из второго зала замер. В следующую секунду от него волной хлынула такая удушающая, первобытная жажда крови, что сидевшие рядом маги невольно вжали головы в плечи.

Проклятие?! Эри погибла из-за чьего-то проклятия?!

Пусть в параллельном мире появился этот странный юноша, Годжо Хара, из-за чего многие события пошли иначе, но их с Эри встреча, их любовь и брак оставались неизменными во всех реальностях. А значит, и причина ее смерти, скорее всего, была абсолютно той же.

Все эти годы он искренне верил, что тяжелые роды подорвали ее здоровье, лишив жизненных сил и обрекая на медленное угасание от неизлечимой хвори.

А ее, оказывается, хладнокровно убили?! Подло навели порчу?!

И он — хваленый «Убийца магов», наводивший ужас на весь мир магов, — даже не догадывался об этом! Он бесцельно прожил остаток дней и глупо погиб, так и не отомстив за смерть единственной женщины, которую боготворил.

Эта мысль заставила Тодзи содрогнуться от лютой, испепеляющей ненависти к самому себе.

— Тодзи! — Эри крепко сжала его ладонь. Ее мягкий, встревоженный голос пробился сквозь пелену безумия, возвращая мужа к реальности.

Тодзи долго, с непереносимой мукой смотрел в ее глаза, после чего бессильно опустил голову:

— Прости меня, Эри... Прости...

Она была самым обычным человеком, далеким от мира магии. Если кто-то и решился навести на нее порчу, то исключительно ради того, чтобы досадить ему, Тодзи. Это из-за него она разделила его проклятую судьбу, а он даже не сумел покарать убийцу...

Эри ласково улыбнулась. Ее улыбка — теплая, разгоняющая любую тьму — осталась точно такой же, как при жизни. Она бережно обхватила лицо Тодзи ладонями, заставляя его поднять голову и посмотреть на нее.

— Ну при чем здесь ты, глупенький? Виноват лишь тот негодяй, который сотворил это зло. Почему ты вечно пытаешься взвалить всю тяжесть мира на свои плечи? Я ведь уже говорила тебе: я люблю тебя. И я никогда, ни единой секунды не жалела, что связала с тобой жизнь, вышла за тебя замуж и подарила тебе Мэгуми.

Эти простые, искренние слова, сказанные без утайки и полутонов, выдернули Тодзи из бездны отчаяния, в которую он едва не рухнул.

Он завороченно смотрел в ее глаза, где отражался только он один, а затем дрожащими руками прижал к себе свое единственное спасение.

— Эри... Эри... Эри... Пожалуйста, не оставляй меня больше... — хрипло, со слезами в голосе умолял этот страшный человек.

В его жалкой, испуганной позе не осталось и следа от величия грозного Небесного тирана, хладнокровно проливающего чужую кровь. Зрители во втором зале изумленно переглядывались.

Ведь только что на огромном экране им показывали несокрушимого воина, на равных

бывшегося с самим Годжо Харой! Контраст между экранным монстром и этим едва не плачущим мужчиной, судорожно цепляющимся за женскую юбку, был просто невыносимым.

Сильнее всех округлил глаза Годжо-сенсей. В конце концов, именно он когда-то сошелся в смертельной схватке с этим самым Тодзи. И пусть на экране крутили подвиги его двойника из другого мира, здешний наемник ничуть не уступал тому в жестокости.

В свое время, еще до того как постичь секрет Обратной проклятой техники, Сатору едва не отправился на тот свет из-за ударов этого чудовища. И видеть теперь, как смертоносный убийца хнычет на груди у жены...

Упустить такой шанс Годжо-сенсей просто не мог. Он молниеносно выхватил телефон и принялся строчить кадр за кадром. Вспышка защелкала с пулеметной скоростью. Сатору даже бесцеремонно отодвинул застывшего Мэгуми в сторону:

— Ну-ка, Мэгуми, отойди на полшага. Не мешай мне запечатлеть этот исторический момент. Твой грозный папаша пускает сопли — такое раз в жизни увидишь!

Мэгуми лишь обреченно вздохнул и молча отошел в сторону.

Тодзи было глубоко плевать на то, что Годжо собирает на него компромат. Глаза его действительно повлажнели, но плакать он и не думал. Сейчас в его вселенной существовала только Эри, и убогие ужимки белоголового шута его не волновали.

А вот сама Эри жутко смутилась под прицелом камеры и мягко отстранила мужа.

Лишившись объятий, Тодзи тут же одарил Годжо-сенсея таким испепеляющим взглядом, от которого любой другой на месте мага уже выбирал бы себе гроб.

Тем временем на экране, сразу после того как Годжо Хара раскрыл истинную причину недуга Эри, повествование резко сменило курс. Вместо того чтобы показать сам процесс исцеления, зрителю решили продемонстрировать детство Тодзи Дзэннына.

Маленький Тодзи, рожденный с абсолютным отсутствием проклятой энергии из-за Небесного проклятия, с первых дней жизни стал в родном клане изгоем.

В клане Дзэннин свято чтит закон: «Не из клана Дзэннин — не маг, не маг — не человек». И лишенный всякого дара ребенок считался несмываемым позором для всей фамилии.

Лишь благодаря тому, что он родился мальчиком, и под негласным покровительством матери ему удалось благополучно пережить самый опасный, младенческий возраст.

Но стоило матери уйти в мир иной, как Тодзи мгновенно скатился на самое дно клановой иерархии, превратившись в беззащитную мишень для чужих издевательств.

Небесное проклятие одарило его невероятно выносливым телом, так что он умудрялся выживать вопреки вечному голоду и холоду. Однако нападки не прекращались: его избивали не только сверстники, но и старшие мальчишки, а порой руку прикладывали и взрослые маги.

Гордый, упрямый характер Тодзи, наотрез отказывавшегося гнуть спину перед обидчиками, лишь злил сородичей. Даже родной старший брат, Дзинъити, относился к нему с брезгливым презрением, что делало положение мальчика совсем невыносимым.

Каким бы грозным ни вырос будущий Небесный тиран, в детстве он все еще оставался уязвимым ребенком.

В конце концов жестокие соплеменники ради забавы швырнули его в закрытый склад проклятых духов. Тодзи, который тогда еще не умел их видеть, метался в темноте, отчаянно отбиваясь от невидимых тварей. Обычные удары не могли уничтожить проклятия, и духи нещадно рвали его плоть. Именно тогда на его лице, у самого уголка губ, остался глубокий, памятный шрам.

Но загнанный в угол зверь стал лишь опаснее. На грани гибели его чувства обострились до абсолютного предела: благодаря феноменальной физиологии Небесного проклятия он наконец начал различать очертания тварей по тончайшим колебаниям воздуха.

Вырвавшись из склепа, окровавленный мальчишка разыскал шутника, толкнувшего его к монстрам, и принялся методично избивать его. Не подоспей вовремя Наобито Дзэньин, Тодзи бы точно совершил убийство.

Глава клана, разглядев в волчонке задатки идеального оружия, рассудил дело на удивление справедливо и строго наказал зачинщика, что заставило Тодзи умерить пыл.

Но даже это не изменило отношения семьи к бастарду. Шли годы, Тодзи креп и становился сильнее, легко укладывая на лопатки хваленых магов клана. Но те, захлебываясь от собственной зависти и бессилия, продолжали шипеть ему в спину оскорбления, именуя сильнейшего бойца «бездарностью» и «жалкой обезьяной».

Гэто Сугуру из первого зала и патриарх Гэто из второго одновременно затихли, погружившись в тяжелые думы.

Им обоим доводилось видеть, как обычные люди гнобят и истязают одаренных детей-магов в неведении и страхе. Именно эта слепая человеческая жестокость взрастила в них ненависть к «обезьянам».

Но они и подумать не могли, что внутри самого элитарного общества магов обделенный силой ребенок может столкнуться с еще более изощренным садизмом.

И ведь Тодзи обладал невероятным даром Небесного проклятия, колоссальной физической мощью, позволявшей ломать хребты своим мучителям. Но даже его они считали мусором.

А как в этой клоаке выживали обычные люди? Те, у кого не было ни проклятой энергии, ни сверхчеловеческого тела?

Среди собравшихся в зале было немало обычных людей из других миров, и им логика магов казалась полнейшим безумием.

— Да их же лицом в грязь ткнули! Как у них язык поворачивается называть его слабаком? Если Тодзи — ничтожество, то кто тогда они сами, раз не могут с ним совладать? Отбросы среди отбросов?

— Я-то думал, у магов закон джунглей и правит сильнейший. Оказывается, они просто слепые идиоты. Тодзи силен как демон, а они нос воротят!

— «Не маг — не человек»? Отлично устроились. Значит, нас всех они вообще за людей не считают?

— А я еще ругал Годжо Сатору и Годжо Хара за их заносчивость! Да их высокомерие — просто детские шалости по сравнению с этой спесью Дзэнъинов. Те хотя бы гордятся реальной, абсолютной силой. А эти? Лежат на лопатках, сплевывают зубы и строят из себя элиту. Жалкое зрелище.

— Сборище узколобых дураков. Мало того что мозги напрочь усохли, так еще и жрут собственных детей. Как этот клан вообще дожил до наших дней и не истребил сам себя? Чистая удача, не иначе.

— Каббала какая-то. Тодзи признан равным самому Годжо Харе, а ничтожества из Дзэнъин продолжают вякать про «обезьяну»!

Ни маги, ни обычные люди из числа зрителей не могли постичь логику клана Дзэнъин. Сила Тодзи была очевидной, неоспоримой — он на равных бился с Годжо Харой!

Кадры их недавнего сражения до сих пор стояли у всех перед глазами: сокрушительные удары, невероятная скорость, от которой содрогалась земля. Настоящий триумф чистой физической мощи.

И этого человека с детства мешали с грязью.

Ладно бы издевались, пока он был слаб и мал. Но даже когда Небесное проклятие раскрылось во всей красе, превратив парня в неостановимую машину смерти, упрямые старейшины не пожелали открыть глаза.

Они трепетали перед ним, дрожали от страха при его появлении, но, едва оказавшись в безопасности, продолжали презрительно кривить губы: «Подумаешь, сильный. Все равно безмозглая тварь без капли проклятой энергии».

Этот абсурдный догматизм, где происхождение и наличие искры силы ценились выше реального боевого мастерства, вызывал у большинства зрителей лишь брезгливое недоумение.

Представители клана Дзэньин, оказавшиеся под прицелом сотен презрительных взглядов, хранили угрюмое молчание.

Лишь Наоя Дзэньин громко и отчетливо заявил на весь зал:

— Тодзи всегда был лучшим! А те жалкие глупцы, что смели сомневаться в его силе, просто слепы и невежественны!

Наоя оставался верным, фанатичным поклонником своего кумира.

Правда, это ничуть не мешало ему быть точно такой же высокомерной, прогнившей насквозь аристократической посредственностью, как и все прочие старейшины.

Остальные «гнилые мандарины» из клана Дзэньин лишь недоуменно переглянулись. Этот паршивец Наоя ведь должен быть на их стороне! С каких пор он переметнулся в лагерь этого отребья?

Впрочем, ни одному из Тодзи не было дела до чужого мнения. Плевать на старейшин, плевать на Наоя. Единственное, что их по-настоящему волновало, — это реакция их жен.

Эри из первого зала и Эри из второго с бесконечной нежностью прижали к себе своих мужей.

— Тодзи... Сколько же тебе пришлось пережить. Хорошо, что ты ушел оттуда. Такая семья даром не нужна.

Но если первая Эри просто сопереживала мужу, то вторая, успокоив Тодзи из второго зала, внезапно взяла его за ухо и строго спросила:

— Погоди-ка. Если ты прекрасно знал, что твой клан — это змеиное гнездо и помойка, как у тебя вообще ума хватило планировать отдать туда нашего Мэгуми?!

— Эри, ну послушай... — пропищал грозный наемник, пытаясь высвободить ухо. — У Мэгуми пробудилась Техника десяти теней. С этим даром он стал бы там королем, законным наследником. Никто бы и пальцем его не тронул, он бы не повторил мою судьбу.

— Дело не в побоях! — не унималась Эри. — Ты подумал, в кого бы он вырос в этой грязи? Набрался бы от них этой спеси... и кем бы стал?

Эри страшно было даже представить: вырасти ее сын среди этих напыщенных снобов, он со временем превратился бы в такого же высокомерного мерзавца, презиравшего любого, у кого нет проклятой энергии. И однажды он посмотрел бы на собственного отца как на пустое место, как на «жалкую обезьяну». Это бы окончательно сломало Тодзи.

Тодзи понимал жену с полуслова. Пусть она не договорила, он прекрасно уловил ее мысль.

Он грустно, но спокойно пожал плечами:

— Мне правда было все равно, Эри. Без тебя я бы ни за что не вырастил его нормальным. Единственное, что я мог для него сделать — гарантировать, что он не сдохнет с голоду и получит защиту. А кем бы он вырос, возненавидел бы меня или презирал... какая разница?

Именно поэтому, даже обнаружив здесь своего повзрослевшего сына, Тодзи не делал никаких попыток сблизиться с ним. Мэгуми тоже, кажется, догадывался, кто перед ним, но держался поодаль. И Тодзи это устраивало.

Если бы не внезапное появление Эри, Тодзи так и просидел бы до самого конца сеанса с каменным лицом, глухой ко всему миру.

Но теперь, когда любимая была рядом, он всем сердцем желал, чтобы этот странный просмотр длился вечно. Ведь никто не знал, что будет, когда экран погаснет. Вернутся ли они в холодную пустоту небытия? Разлучат ли их снова?

Услышав его горькие, обреченные слова, Эри тихо вздохнула и прижалась к его плечу:

— Тодзи, глупый ты мой...

Испугавшись, что расстроил жену, Тодзи тут же поспешил исправиться:

— Да я и сам в последний момент понял, что Дзэньины — конченные твари. Потому перед смертью и переиграл всё, сплавив мелкого Годжо Сатору!

Он произнес это с такой гордостью, словно хвастался невероятно выгодной сделкой по избавлению от ненужного груза за чужой счет.

Эри лишь беззвучно покачала головой:

— Ну и ну...

Годжо-сенсей, услышав это, оскорблено вытаращился на него:

— Эй! То есть я для тебя просто удобный лопух, которого ты развел на бесплатное воспитание?!

<http://bllate.org/book/19549/2004413>